

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ
Прорыв

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

Круз, Андрей.
К84 Эпоха Мертвых-3. Прорыв / Андрей Круз. —
Москва : Эксмо, 2026. — 768 с.

ISBN 978-5-04-205716-8

Для Сергея Крамцова и его соратников настало время покинуть мертвый город, в который превратилась Москва. Теперь для них главной задачей стала доставка исходного материала вируса, погубившего мир, в закрытый город Горький-16. Путь предстоит нелегкий. За Крамцовым охотятся могущественные враги, но он верит в себя и своих людей...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Круз А., Круз М., текст, 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-205716-8

ПРОЛОГ

Полтора месяца с момента наступления Беды. Старый мир исчез, словно его и не было никогда, и даже огромный, брошенный людьми город, раскинувшийся рядом, уже не убеждал в том, что еще недавно у нас была совсем другая жизнь. Тесный двухместный номер в старом общежитии для слушателей академии с удобствами в конце коридора казался уже привычным и даже комфортным жильем — достаточно было увидеть, как живут те, кому не так повезло.

А мы... у нас вроде все нормально, если по новым понятиям судить. Есть жилье, есть оружие, есть машины, нас даже кормят и снабжают горючим, премируют за удачные вылазки и относятся с уважением. Есть, правда, и минусы — очень легко можно остаться без башки, и это еще не худшая из доступных опций. Худшая — это превратиться в смердящую безмозглую тварь и так бродить по земле или валяться в мертвецком беспмятстве в каком-нибудь грязном подвале, ожидая появления добычи поблизости. Нет, лучше уж без башки, как-то честнее перед мирозданием получается, если такое еще осталось. Потому как сам факт, что мертвые идут по земле, чтобы питаться от живых, уже заставляет усомниться в существовании каких-либо его основ.

Сергей Крамцов, «партизан», бывший аспирант

2 мая, понедельник, утро

Если быть честным, ну хотя бы в глубине души, то надо прямо сказать — этот день я оттягивал всеми возможными способами. Не признаваясь в этом даже самому себе, я старательно и увертливо избегал сделать первый шаг по дороге, ведущей от безопасной территории учебного центра «Пламя», куда занесла нас прихотливая судьба, до затерянного в вятских лесах ЗАТО¹ Горький-16. Оранжевый пенопластовый параллелепипед размером с два кирпича, в который были запаяны титановые капсулы с так называемым «материалом», должен был быть доставлен в этот тайный город, в такой же тайный военный центр. Именно этот контейнер, хранящийся в сейфе секретной части центра «Пламя», был и главным побудительным мотивом к этому походу, и главным моим извинением перед самим собой, которое позволяло принимать решения, не всегда даже до конца моральные. У нас есть миссия — или епитимья, как хотите, так и называйте, — и она должна быть исполнена.

Тут я чуть-чуть душой покривил. Миссия, или епитимья, есть только у меня и еще у девушки по имени Ксения Дегтярева — именно нас судьба намертво привязала к тем роковым событиям, из-за которых погиб окружающий нас мир. И грех было бы отри-

¹ Закрытое территориальное образование; так называемые закрытые города вроде Арзамаса-16, работавшие в основном на оборону.

цать тот факт, что немалая доля нашей вины в этом тоже есть, и если хочется еще смотреть на себя в зеркало, не пытаясь при этом каждый раз плюнуть, то епитимью надо исполнять. Смывать кровью, как говорили в Отечественную.

Если бы все зависело только от меня, то я бы в этот путь отправился один. Или ладно, вдвоем с Ксенией, раз уж у нее схожие мотивы, но больше никто из тех, кто входил в наш отряд, не имел ни малейшего касательства к Катастрофе. Но я точно знал, что уехать вдвоем нам не дадут. По разным причинам, но не дадут. Хотя бы потому, что мы действительно стали именоваться отрядом, причем собравшимся добровольно и уже доказавшим неоднократно свое право так называться. А хорошие отряды не разбегаются.

Не высказать свое отношение к мысли о том, что едут все, я все же не мог, поэтому пару дней назад, после ужина в столовой, как у нас все совещания и проходят, я попросил всех задержаться. И теперь передо мной за длинным столом, уставленным сейчас кружками с чаем и чайниками, сидели мои люди.

Сидела моя девушка Татьяна, бывший тренер по дзюдо, любительница мотоспорта, которая сейчас была в отряде одним из штатных механиков-водителей.

Сидел за столом мой друг Леха, в свое время, как и я, отслуживший в Чечне, который у нас был за снайпера и главного оружейника, а рядом с ним — его девушка Вика, она у нас теперь за старшину и просто стрелка.

Сидел бывший офицер внутренних войск Сергеич, которого нам довелось спасти, и он прибил к на-

шему отряду, не претендуя на главные роли и старательно обучая всему нужному личный состав.

Сидела рыжая и красивая Маша, мать двоих детей, кстати, которую мы спасли вместе с Сергеичем, и она тоже осталась с нами и обнаружила удивительный талант снайпера, чего никто не ожидал от бывшей банковской служащей. Ее дети, сын Сашка и дочь Лика, тоже были поблизости: носились по огромному залу столовой вместе с другими детьми.

Сидел Мишка Шмелев, он же Шмель, тоже давний мой друг, еще с войны, служивший в моем же полку механом на «копейке», ну и здесь не изменивший своей специальности. Рядом с ним расположился его отец, Степаныч, который мало того что был у нас за главного механика, так уже между делом узурпировал должность такового во всем центре «Пламя», занимаясь, правда, только автомобильной техникой.

С ними были Валентина Ивановна — шмелевская мать, крепкая тетка к пятидесяти, и Катя, сестра, круглолицая и белобрысая девчонка четырнадцати лет, конопатая, как перепелиное яйцо. Валентина Ивановна работала медсестрой в местном госпитале — на удивление неплохо, а Катя пристроилась в школе, открывшейся на днях, помощницей учительницы младших классов. К детям тут относились всерьез, хотя бы потому, что немало сирот успели спасти, да и на фоне погибшего мира только дети оставались символом надежды на его возрождение. Не будь их — хоть сам в гроб ложись.

Еще прямо напротив сидела Аня Дегтярева — младшая сестра Ксении, хорошенькая коротко стриженная блондинка всего лишь шестнадцати

лет от роду, в прошлом восходящая звезда тенниса, которой Катастрофа так и не дала взойти и которая была с нами с самого начала и оказалась на высоте в любой ситуации, какие бы проблемы нас ни встречали.

С ней рядом сидела Ксения, старшая сестра, та самая участница дурацкого детского хулиганского заговора, в результате которого на территории НИИ, где я работал, грохнул взрыв. И благодаря этому самому взрыву, а также невероятному, возможному с вероятностью один на миллион случаю открылись клетки с зараженными животными, которые вырвались на свободу, разнося вирус по всей Москве, а уже из нее он с ураганной скоростью, не очень даже реальной, распространился по всему миру.

Ни она, ни Аня, ни даже сидящая рядом с ними Алина Александровна Дегтярева, моложавая и красивая женщина средних лет с умным и породистым лицом — никто из них не знал, что жертвой этого самого случая стал Владимир Сергеевич Дегтярев, муж Алины Александровны и отец Ксении с Аней. Он взял с меня слово, что я буду скрывать его гибель, и семья считала, что он находится в секретной лаборатории в Горном Алтае и с ним просто потеряна связь. Пусть так и будет.

Рядом с Ксенией сидел Пашка — молодой и веселый бывший студент из Красноярска, сын военного, хороший стрелок и боец, отчаянно влюбленный в свою соседку, что я незаметно и ненавязчиво поощрял — он теперь при ней как постоянный телохранитель, а заодно и при сестре. Пашка был у нас еще и за водителя, причем не чего-нибудь, а нашей само-

дельной «кашээмки»¹ — «буханки», в салоне которой мы установили рации. А радистками были эти самые сестрички, что позволяло легально держать их подальше от драки, да еще и под защитой верного Пашки.

Хотя, если не кривить душой, следует признать, что сестрам защита не так чтобы и в самом деле требовалась. Времена наступили такие, что девочки прошли через многое, через что в другие годы и взрослым мужикам, подолгу служившим, проходить не приходилось. Довелось им и воевать, и отбиваться, и самое страшное, что довелось им делать, — убивать. Убивать живых людей.

На самом дальнем конце стола сидел мужик лет тридцати, немного упитанный, но рослый и мощный, которого звали Володей, но которого все справедливо именовали Большим. Когда-то отслуживший в воздушно-десантных войсках и увлекавшийся вольной борьбой парень, который после службы окончил институт связи и потом долго работал программистом, наедая сало на боках и постепенно теряя форму. Вместе со всей семьей и коллегами по работе он оказался блокирован ожившими мертвецами в своем же офисе, откуда и был спасен группой военных из центра «Пламя».

Этот случай настолько потряс его, что он всеми правдами и неправдами стремился сменить свой статус «технаря» на статус «бойца» и в результате перескочил все же в наш отряд на должность пулеметчика — а кому, как не ему, слону такому, таскать ПКМ²

¹ КШМ — командно-штабная машина.

² Пулемет Калашникова модернизированный.

или рацию? За свою физическую форму он взялся с каким-то остервенением, и в результате его благоприобретенная полнота спадала, уступая поле боя неслабым мышцам. И вдобавок Володя обучал сестренку работе с радио, чем еще больше доказывал свою необходимость отряду.

Завершали список личного состава кот Барсик, вальяжный и лохматый, который валялся сейчас на коленях у Алины Александровны, и здоровенный кобель Мишка, обживший в качестве собачьей будки грузовик «Садко» с кунгом, в котором у нас располагался передвижной склад всяких полезностей и прочих матценностей. Поэтому на ужине кобель не присутствовал.

— В общем... — начал я свою не слишком подготовленную речь, — так или иначе, но мне надо двигаться в «Шешнашку». Тянуть дальше нельзя, ну и плохие люди показались на горизонте. Дойду туда, отдам «материал» — половина проблем уйдет, потому что смысла гоняться за мной уже не будет. Не отдам... скорей всего, поймают. Или другим способом дотянутся, с них станется. Это те самые, которые тогда на дачу приезжали: не забыли, надеюсь.

— Забудешь тут, — усмехнулась Аня.

Она точно не забудет. Один из тех нехороших людей, что приехал тогда с целью всех нас убить и открыл ее «личный счет», завалившись с простреленной головой на грязную весеннюю землю. Должна помнить.

— С походом все понятно, — закончил я вступление. — Но сказать я хочу то, что отправятся со мной только добровольцы. Я буду настаивать на том, что даже не все добровольцы войдут, так сказать, в списки

личного состава. В штат, если угодно. Это касается двух человек — Маши и Большого. Не возьму.

— Это почему? — спокойно спросила Маша. — Надо обосновывать, и желательно всерьез.

Обосновать действительно надо — Маша со своим талантом стрелка была почти незаменима, что уже не раз доказала. Да и ее личный счет убитых, причем отнюдь не мертвяков, впечатлял. И все же...

— Маша, у тебя дети, — ответил я. — Двое. Отца они уже потеряли, не хватало еще и мать потерять. А вероятность такая есть.

— Серый, знаешь, — ответила она задумчиво, — ты все же не очень хорошо понимаешь ситуацию. Если бы вы меня тогда не спасли, то погибла бы и я, и сами дети. Притом чем больше времени проходит, тем лучше я это понимаю. Насмотрелась.

— И что...

— Я не закончила. — Она подняла ладонь, останавливая мою ответную речь. — Если бы я не вступила в отряд, то была бы одной из множества спасенных домохозяек, которых не знают куда приткнуть и которые живут чуть ли не из милости. Утрирую немного, но ты меня понял. Так?

— Ну... да, понял, — кивнул я.

— Получается, что отряд меня превратил в ту, кто я есть сейчас, которая себя раннюю даже не узнала бы, повстречай на улице. Поэтому бросать отряд я не собираюсь. И ты не настолько здесь командир, чтобы суметь мне это приказать, — закончила она, разведя руками.

— Ну насчет командира ты погорячилась. Прикажу — строевым пойдешь в детский сад работать, —

предпочел я развеять иллюзии. — У нас по-другому быть не может. Но тебя я тоже понимаю. И все же предпочел бы, чтобы ты осталась в «Пламени».

— А я предпочту не принимать предложение, — столь же категорично ответила Маша.

— У меня, как я понимаю, такая же ситуация? — вступил в разговор Большой. — Или доверие утратил?

— Такая же, — обернулся я к нему. — Ты семейный человек.

— Это не аргумент, — пожал он плечищами. — Год-другой пройдет, и здесь все будут семейными. И детей нарожают. И что, все забудут, как из расположения выходить? Это же еще и способ зарабатывать на жизнь — лезть куда не надо, никуда от этого не денемся.

— Серый, он прав вообще-то, — вдруг влез Леха. — Теперь всегда такая жизнь будет, надо смириться. У тебя не получится кого-то пускать в дело, а кого-то постоянно в тылу держать.

Так, объединились. Получилось даже хуже, чем я ожидал. Думал, что придется спорить с каждым в отдельности, а они в единый фронт. Солидарность, блин. В драку рвутся. Только вот тонкость — проблема-то по большому счету моя, а лезут в нее они, которые к случившемуся никаким боком, и «кровью смывать» им точно ничего не надо. Это мне надо. Это моя проблема.

— Леха, и что предлагаешь? — спросил я уже у него.

— А что тут предложить можно? — даже удивился он вопросу. — Ты сам все и сказал уже. Едут добровольцы, мы с Викой уже в списках. А Машу с Вованом не оскорбляй, они не хуже других.

— Он прав, — окончательно добил меня Сергеич.

Сергеич хоть на должность командира не претендует, но все же на особом положении. И возраст за сороковник, и опыта хватает, и авторитета у него в отряде на десятерых. Если уж он на их стороне выступил, то мне сопротивление не преодолеть.

— Кроме того, у нас именно в таком составе отряд на полноценную боевую единицу похож, — добавил он. — Иначе придется или обходиться без кого-то, или что-то на ходу придумывать в ущерб боеспособности.

— Вообще-то речь не о боях идет, а о том, чтобы куда-то тихо и быстро пробраться, а потом оттуда точно так же тихо и быстро смыться обратно, — предпринял я последнюю попытку. — Меньше народу — выше скрытность.

— Да ничего подобного, — даже отмахнулся он. — У одного «уазика» и двух скрытность одинаковая. И у трех такая же. Зато есть возможность идти с «головняком»¹, есть возможность пересесть на другую машину в случае потерь в технике... продолжать надо или сам грамотный?

Да грамотный я, грамотный, сам прекрасно понимаю, что в меньшем составе идти будет сложнее, но все же... Ладно, была не была, что мне еще остается? Тем более что Сергеич добавил:

— И личному составу отличная подготовка в дальнейшем рейде. Когда еще такая оказия выйдет?

¹ «Головняк» не в смысле «проблема», а в смысле «головной дозор», военный жаргон.

Я помолчал, затем кивнул, сказал, обращаясь уже ко всем:

— Значит, идут все, кто выскажет такое желание. В расположении части остаются Степаныч с супругой и дочерью, на охране и обороне нажитого имущества и подготовке транспорта к будущим победам, и Алина Александровна.

— Сережа, а вы уверены? — вступила в разговор Дегтярева.

Вот он, момент истины. Именно этот разговор я все оттягивал и оттягивал, и именно он и является главным. Поэтому я посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Уверен, Алина Александровна. Мало того, я на этом настаиваю.

Выражение лица у нее изменилось на строго-упрямое, в стиле «ты мне обещал».

— Сережа, вы мне обещали.

Точно, обещал. Обещал отвезти к мужу, который погиб у меня на глазах. Причем к живому. Такое он, муж, с меня обещание взял. Правда, на тот момент никто не знал, во что именно выльется утечка этого вируса. А сейчас внешние условия изменились, и на обещания не повлиять они никак не могли. И повлияли.

— Что я вам обещал, Алина Александровна? — спросил я жестко. — Отвезти вас в Горький-16? А зачем?

— Там Володя... — чуть растерялась она.

— Владимир Сергеевич улетел на Алтай. При чем тут теперь «Шешнашка»?

— Но он должен был ждать нас там... вы же сами сказали, — вконец растерялась она.

Похоже, что с такого угла зрения она проблему не рассматривала. Ну ничего, сейчас я ей в этом помогу.

— Алина Александровна, а когда я вам это сказал? Разве тогда все вот так выглядело? — Я обвел рукой стены столовой, подразумевая при этом окружающий мир. — Скажите, если бы я, допустим, в тот день пригласил вас в Большой театр вместе с дочками, вы бы сегодня так и ждали исполнения этого обещания? Что-то изменилось за стенками с тех пор, как мне кажется.

— Но Володя имел привычку сдерживать обещания... — Тут она уже губы поджала.

— И как он должен был их сдержать? — спросил я. — Как добраться в такой обстановке почти от монгольской границы до Кировской области? Это сколько тысяч километров?

— Есть же самолеты...

— Алина Александровна! — вздохнул я. — Ну кто даст одному-единственному человеку самолет для того, чтобы он мог встретиться с семьей, в то время как вокруг гибнет мир и каждый литр топлива, каждый час моторесурса уже на счету? Вы серьезно?

— Володя — выдающийся ученый. Он им нужен, чтобы сделать вакцину, — ответила она.

Я и рот не успел раскрыть, как, к моему удивлению, в разговор влезла Ксения.

— Ма, как я думаю, он все, что мог, уже сделал, — жестко так сказала, прищурив темные глаза. — Достаточно. Все наше семейство сделало. Поэтому смею предположить, что дальнейшее наше участие в научном проекте не строго обязательно, мир как-нибудь переживет.

— Это не отменяет главного: он может быть там, — ответила ее мать.

— Нет, не может, — снова заговорил я. — С ним может быть связь оттуда, это одно ведомство, и у них связь должна быть. Максимум, на что мы там можем рассчитывать — это на то, чтобы узнать, где он и что планирует. Думаю, что такой задачей нам и следует ограничиться.

— И что?

— То, что ваше присутствие там необязательно. Связаться мы сможем и без вас. Если вдруг каким-то чудом он окажется там, то мы постараемся его увезти. Если он не сможет уехать — придумаем, как доставить вас к нему.

— Тем более что мы намерены вернуться сюда, — сказала Аня. — Там мы не останемся.

— Аня! — возмутилась Дегтярева. — Это же твой отец!

— И что нам при нем делать? — удивленно подняла брови она. — Мы здесь уже уважаемые люди, несмотря на пол и сопливый возраст, с нами дяди-спецназеры с почтением здороваются, а там что? Полы мыть в лаборатории? Спасибо, не надо, мне моя нынешняя работа нравится больше.

Тут она не соврала. А уж после нашего последнего набега на библиотеку, из которого мы притащили целых четыре рюкзака, набитых вселенской мудростью на оптических носителях, авторитет наш в «Пламени» стал совсем настоящим, никем не оспариваемым. Мы перестали бояться, что кто-то спросит, на каком основании такая толпа народу у них харчуеться и расходует дефицитное топливо, — окупаемся. Ну и не только

я это понимаю, все остальные в отряде тоже ощущают. Поэтому позиция Ани мне очень даже понятна — куда лучше жить там, где тебя ценят и уважают, чем где-то еще.

Алина Александровна замолчала растерянно, сильно потерла лицо ладонями, затем спросила меня:

— Сережа, вы же с ним работали. Неужели вам не хочется вернуться к науке, заняться вакциной?

— Нет, — ответил я категорично. — Все, что творится вокруг, — это наука, точнее, результаты игр с ней. Я впредь к ней никакого отношения иметь не собираюсь. Забыл как страшный сон. Баста.

— И что предлагаете?

— Я все сказал, — пожал я плечами. — Ждите нашего возвращения, все выяснится. Обещаю, что если Владимир Сергеевич там, то я придумаю способ вас к нему доставить. Вплоть до того, что договорюсь насчет самолета.

— А если не там? — Голос ее чуть упал.

— Ну... тогда постараюсь выяснить все, что возможно, — пожал я плечами, после чего с усилием соврал: — Но уверен, что с ним все нормально. Там, куда он улетел, горы, глухомань и военный объект максимальной степени секретности, так что они там, как в крепости.

— Хорошо бы, — вздохнула она.

К облегчению моему великому, на этом самая скользкая часть собрания закончилась. Алина Александровна смирилась. К счастью, у нее уже работы хватает, она же психолог, а здесь множество сирот, людей, потерявших близких, вот и делает, что может. И в школе тоже работает. Это праздный ум опасен,

он в силу незанятости подчас удивительные вензеля выписывает.

И хорошо, что Степаныч с семейными тоже в поход рваться не стал. Но Степаныч мужик трезвый и рассудительный, понимает, что к чему. Ни он, ни Валентина Ивановна даже Шмеля отговаривать не стали. Все они понимают.

— Итак, вопрос ко всем, — снова заговорил я. — Кто едет в Горький-16? Поднимайте руки.

Подняли, разумеется, все, а я рукой махнул. Не судьба бороться против всех. Пусть будет, как будет, видит бог — я пытался. Зато голос поднял Степаныч:

— Серега, ты цеу дай, какой транспорт готовить. С утра и начну.

— Как какой? — чуть удивился я, — «Садок» и два «козла».

— На хрена тебе «садок» в колонне? — озадачил он меня вопросом. — Ты в нем ночевать собираешься всей группой?

— Ну... да. А что?

— Зря. Ночлег и так сумеешь найти, земля пустой осталась, — сказал он. — Или палаточки возьмите, в лесу не страшно.

— А ведь верно, — кивнул Сергеич. — Степаныч, я понял. Ты предлагаешь «буханку» с прицепом взять?

— Точно, — ухмыльнулся Шмель-старший. — Топливо такое же, как и у «козликов», много деталей обших, расход умеренный, и Пантелеев обещал дополнительную связь выделить.

А толково, верно. «Буханка» у нас за штабную машину и так работает, и подготовка под установку дополнительной рации там сделана. И Аня с Ксенией и

Пашкой — вполне слаженный экипаж, не надо ничего мудрить. Зато сама машина достаточно компактная, а в случае проблем можно и детали перебросить: начинка одна и та же. Прицеп у нас полутонный, так что «уазик» его потянет безо всяких проблем. На него весь запас топлива нагрузить, а внутрь запас еды закинуть. Все равно большая часть боекомплекта по рейдовым «УАЗам» распределяется, чтобы все под рукой было.

А брать большой «садок» с кунгом из-за одного ночлега смысла нет, всегда можно какое-то безопасное местечко присмотреть. Да даже в деревне на ночлег напроситься к кому-нибудь, заплатив пистолетом с патронами, например. Кто теперь откажется? «Садки» на будущее пригодятся, для мародерки всякой и движения с грузом.

— Ну да, верно, — согласился я. — Так и сделаем. Два дня на подготовку. Я завтра с утра к Пантелееву, он нам какие-то призы обещал за библиотеку, постараюсь получить до выезда. И всем спасибо за то, что никто не отказался.

Сергей Крамцов

3 мая, вторник, утро

Пантелеев был доступен и, предугадав, зачем я его ищу, время терять не стал и приказал рулить прямо на склад, куда мы и подъехали на «Лэндкрузизере» Лехи, исходя из того, что объемистое чрево этой машины должно вместить весь запас предполагаемых ништяков. Подполковник был в хорошем настроении, даже одет неформально — то вечно в разгрузке и с